

— Дядя Ли? Дядя Ли, вы дома?

Е Цзюньшу сегодня специально встал пораньше и отправился к Ли Хуньину, чтобы отдать деньги за проданную вчера дичь. Однако дяди Ли, который в это время обычно занимался боевыми искусствами, нигде не было видно. Деревянная дверь была слегка приоткрыта, во дворе стояла тишина, а в самом доме как будто давно никто не жил. Цзюньшу позвал еще несколько раз, но ответа не последовало.

В душе поселилось странное предчувствие.

Он обошел дом и заметил много необычного: всё было вычищено до блеска, вещи стояли в идеальном порядке. А на столе лежал уже собранный узел — так собираются в дальний путь.

Е Цзюньшу заволновался: неужели дядя Ли решил уйти навсегда?

Пока он терялся в догадках, вошел сам Ли Хуньин. Цзюньшу бросился к нему:

— Дядя Ли... — но тот перебил его:

— Ты как раз вовремя.

— Дядя Ли, что происходит? — спросил Цзюньшу.

Ли Хуньин не ответил прямо, а лишь сказал:

— За это время ты успел сойтись с людьми из трактира. Я уже переговорил с лавочником, теперь ты сам будешь доставлять им добычу. Они будут принимать её у тебя, так что вози как обычно.

На лице Цзюньшу не было и тени радости:

— А как же вы? — Неужели всё то время, что дядя Ли просил его возить дичь в город, он просто готовил для него почву? Значит, он давно задумал уйти!

— Мне пора, — коротко бросил Ли Хуньин.

— Уйти? Куда? — Цзюньшу засыпал его вопросами, в его голосе слышались тревога и беспокойство. — Дядя Ли, у вас что-то случилось? Я могу чем-то помочь?

Ли Хуньин ничего не объяснил, лишь крепко сжал плечо юноши. Он достал увесистый кожаный мешочек с серебром и вложил его в руки Цзюньшу:

— Оставь это себе, на расходы. И не вздумай возвращать.

Цзюньшу держал тяжелый мешок — скорее всего, это были почти все сбережения Ли Хуньина за долгие годы. Юноша не понимал: куда бы он ни направлялся, почему он не оставляет

ничего себе?

— Дядя Ли, я не могу принять эти деньги, — с мрачным видом сказал он.

— Не считай это обузой, — возразил Ли Хунъин. — Это лишь часть моих накоплений. Другую часть я уже отдал старосте на нужды деревни, а остаток оставил себе. — Он разделил свои деньги на три части.

Дядя Ли не знал, доведется ли ему во второй половине жизни вернуться в эту мирную горную деревушку, которая подарила ему столько лет покоя, и в сердце его жила глубокая благодарность.

Цзюньшу не отступал: — Но куда же вы направляетесь?

Ли Хунъин снова уклонился от ответа:

— Возможно, нам больше не суждено встретиться. Но за эти годы я успел тебя узнать. Ты смысленный парень. Надеюсь, когда-нибудь до меня дойдут вести о твоих успехах.

Е Цзюньшу понуро замолчал. Он осознал, что за все те годы, что он тренировался с дядей Ли и ходил с ним на охоту, он совершенно ничего не знал о его прошлом. Кем он был? Что совершил? С кем встречался? Он знал лишь то, что дядя Ли всегда был один — ни детей, ни родителей, ни супруга. Хотя Цзюньшу официально не называл его учителем, в его сердце Ли Хунъин был наставником. Его внезапный уход стал для юноши тяжелым ударом.

Зачем ему уходить? Он прожил здесь почти двадцать лет. К нему никогда не заглядывали старые друзья. Есть ли у него родные? Или есть дело, которое он обязан завершить? На душе у Цзюньшу было тяжело; он винил себя в том, что не интересовался жизнью наставника раньше. Но дядя Ли никогда не заговаривал о прошлом, а Цзюньшу считал неучтивым лезть в чужую жизнь — вдруг там скрыта старая боль?

Сейчас он горько жалел о своей деликатности. Ему не хотелось, чтобы дядя Ли уходил. Приходилось признать: он привык полагаться на него. Ли Хунъин был немногословен, но его присутствие рядом давало Цзюньшу опору, не позволяя опустить руки в трудные минуты. Однако юноша понимал, что у него нет никакого права удерживать его.

Ли Хунъин продолжал:

— Чжоу-цзы, в тебе есть качества, которых лишены многие. Ты тверд характером, добр сердцем, но не до глупости. У тебя талант к учебе, и ты не страдаешь той заносчивостью, что присуща многим книжникам. Твои суждения порой настолько остры и пронизательны, что многим чиновникам до тебя далеко. Если представится возможность — сдавай экзамены. Я верю, что из тебя выйдет отличный чиновник, ты сможешь многого добиться. Не зарывай свой талант в землю. А насчет детей... подумай хорошенько. Возможно, они не такие хрупкие, как тебе кажется.

Цзюньшу и не подозревал, что дядя Ли так высокого его ценит. Он вдруг понял, на что намекает наставник: он хочет, чтобы Цзюньшу либо уехал вместе с детьми, либо оставил их под присмотром и отправился искать свою судьбу сам.

Юноша долго молчал и наконец спросил:

— Дядя Ли, когда вы уходите?

Ли Хуньин не стал давать ему времени на раздумья:

— Сейчас.

Тысячи слов, что крутились на языке, Цзюньшу смог уместить в одну короткую фразу:

— Берегите себя.

Небо едва начало светлеть, когда Е Цзюньшу, несмотря на возражения, настоял на том, чтобы проводить наставника.

Ли Хуньин не смог ему отказать и позволил дойти до края деревни. Под большой старой ивой была привязана статная гнедая лошадь. Видя такого благородного коня, Цзюньшу окончательно убедился, что дядя Ли — человек непростой. Обычный крестьянин едва ли умел бы держаться в седле, не говоря уже о владении таким скакуном.

— Возвращайся, — сказал дядя Ли.

Е Цзюньшу замер на месте, молча глядя на него. На душе у него была целая буря противоречивых чувств.

Ли Хуньин ловко вскочил в седло, бросил последний взгляд на юношу, натянул поводья и, пришпорив коня, стремительно скрылся из виду.

Цзюньшу долго стоял неподвижно, глядя в ту сторону, где исчез его наставник, и лишь когда пыль на дороге улеглась, медленно повернул к дому.

Возможно, из-за того, что он был подавлен, его настроение передалось и детям. Сегодня они вели себя на удивление тихо: не капризничали и не шумели, а просто старались быть рядом, по-своему поддерживая брата. Глядя на эту стайку очаровательных «редисок», Е Цзюньшу быстро взял себя в руки.

«Что ж, в мире нет вечных пиров, — подумал он. — Сколько ни горюй, а жизнь продолжается. Если судьбе будет угодно, мы еще свидимся. И если к тому времени дядя Ли всё еще будет одинок, я заберу его в свой дом и буду заботиться о нем в старости — так я отплачу ему за годы наставничества».

Тем временем Ли Хуньин устроил привал на пологом травянистом склоне. Его конь лениво щипал траву неподалеку. Ли сидел, устремив глубокий, задумчивый взгляд в чистое синее

небо.

Двадцать лет. Он прятался в этой глухой деревушке, отгородившись от всего мира, и этого было достаточно. Он достал из-за пазухи персиковую подвеску — резьба на ней была настолько затерта от частых прикосновений, что первоначальный узор едва угадывался. В его глазах промелькнула мимолетная тоска, смешанная с нежностью, а затем — смирение.

Всё это осталось в прошлом...

В деревне внезапный отъезд Ли Хунъина обсуждали еще долго. Хоть он и жил особняком, за двадцать лет соседи всё же успели к нему привыкнуть.

Версии строились самые невероятные: от побега от кровных врагов до погони за сбежавшим возлюбленным. Впрочем, большинство сошлось на том, что дядя Ли нашел свою семью и уехал к родне. Слушая эти байки, Е Цзюньшу про себя отмечал, что воображение у сельчан работает отменно.

Хотя он понимал, что Ли вряд ли вернется, Цзюньшу время от времени заглядывал в опустевшую хижину, чтобы прибраться — на память о друге.

Вскоре он переключил всё внимание на детей. Он решил через несколько дней снова поехать в уездный город и вознамерился всё-таки уговорить их поехать с ним. По вечерам он начал рассказывать им сказочные истории о городской жизни: о людях, которых он там встретил, о добродушном поваре-толстяке и хозяине трактира, о грозном снаружи, но добром внутри мяснике.

Он описывал диковинные товары на прилавках, которых было в сто крат больше, чем он привозил домой, рассказывал об оживленных улицах и шумных праздниках.

Пусть он и не был великим рассказчиком, но дети слушали его, затаив дыхание. Почти все начали упрашивать взять их с собой. Все, кроме Лу-гэра.

Цзюньшу понимал, что с такой оравой в городе будет непросто — всегда есть риск, что за такими красивыми детьми присмотрят работарговы. Но за все свои поездки он ни разу не сталкивался с чем-то подобным в этих краях. Места здесь были настолько бедными, что даже воры заглядывали редко. Простая жизнь сделала местных жителей прямодушными и честными. Настоящих злодеев здесь, пожалуй, и вовсе не видели.

Местный уездный судья правил здесь уже двадцать лет. Хоть он и был склонен к мелким взяткам, но серьезных бесчинств не творил — скорее по причине заурядности характера и отсутствия в Фэнчэне чего-то ценного, что стоило бы отнимать.

В целом в городе было безопасно. Е Цзюньшу хотел вывести детей «в свет», а заодно зайти к учителю Циню: Лю-ве через пару лет пора было начинать обучение, и было бы неплохо заранее напомнить о себе.

Когда все дети уже всю прыгали от нетерпения, Лу-гэр сидел с очень сложным выражением лица. Он явно хотел что-то сказать, но не решался. Цзюньшу подбодрил его взглядом.

Наконец, под выжидающим взглядом брата, Лу-гэру спросил:

— Брат... а этот Пань-гэр, про которого ты говорил... он красивый?

Е Цзюньшу:

— ...

Он вспомнил сына мясника. Местные каноны красоты тяготели к женственности и нежности, и Пань-гэр действительно был из тех прекрасных юношей, чью половую принадлежность с первого взгляда и не определишь.

— Да, — ответил Цзюньшу. — Весьма красив.

Лицо Лу-гэру стало еще более озадаченным. Он принялся покусывать палец, явно пребывая в нерешительности.

Цзюньшу забеспокоился: уж не вообразил ли малец, что у брата есть на него виды? Он хотел было всё объяснить, но Лу-гэр спросил снова:

— Брат, а у этого Пань-гэра есть какие-нибудь родственники или друзья? Он всегда в городе живет? А он не может уехать пожить куда-нибудь в другое место на время?

— Об этом я, честно говоря, не знаю. Знаю только, что они живут с отцом вдвоем в городе. И вообще, он уже обручен, свадьба весной. Так что мне он совсем не интересен!

Впрочем, расспросы Лу-гэра показались ему очень странными.

— А... — Мальчик поник головой, погрузившись в свои думы.

— Так что, Лу-гэр, ты поедешь в город?

Тот мгновенно замотал головой:

— Нет! И Цинь-гэру тоже нельзя.

Цинь-гэр надул губы, но, будучи послушным ребенком, спорить не стал.

Е Цзюньшу:

— ...

Соблазнить не удалось. В итоге он снова отправился в уезд один, провожаемый лишь плачем и криками близнецов, которые очень хотели посмотреть мир.

Но Е Цзюньшу здраво рассудил: в такую одуряющую жару дети долго не выдержат, и солнечный удар хватит их быстрее, чем они успеют что-то разглядеть. Поэтому он пообещал, что обязательно возьмет Сяо Шаня и близнецов с собой в город, как только спадет зной. Что же касается двух гэров, которые стояли на своем и ни в какую не соглашались на поездку, — тут Цзюньшу оставалось лишь развести руками.

<http://bllate.org/book/15226/1354178>